

Заметки о роли метапрагматической осведомленности в использовании языка

Джеф Фершуерен
УНИВЕРСИТЕТ АНТВЕРПЕНА, БЕЛЬГИЯ

Краткий обзор

В общем контексте теории прагматики сформулированы соображения о центральной роли метапрагматической осведомленности как специфической манифестации «отмеченности» (*salience*), о статусе процессов порождения значения в использовании языка в их взаимосвязи с когнитивным аппаратом. Сначала в статье обсуждаются понятия метаязыка и метапрагматики так, как они используются в лингвистике. Затем феномены металингвистики и метапрагматики представлены как отражения метапрагматической осведомленности. Выделяются два способа функционирования индикаторов метапрагматической осведомленности: во-первых, их функции как фиксаторов, располагающих лингвистическую форму в контексте; и, во-вторых, – как сигналов языковой рефлексии пользователей языка в интерпретационных процессах, в которые они вовлечены. И, наконец, обсуждаются некоторые социальные импликации метапрагматического функционирования, в частности, в его связи с языковыми идеологиями и конструированием идентичности.

Ключевые слова: прагматика, метапрагматика, метапрагматическая осведомленность, рефлексивность, языковая идеология, конструирование идентичности.

Введение

В этой статье выдвигается тезис о том, что понятие *метаязык* является важным объектом лингвистики, так как это понятие отражает метапрагматическую осведомленность – существенную составляющую способности к порождению значения в использовании языка. Рефлексивная осведомленность, о которой идет речь, является ни чем иным, как самым важным предварительным

условием коммуникации, как мы ее понимаем. Это часть того, что Томазелло (1999) называет способностью людей идентифицировать себя с другими и таким образом совместно действовать в общих целях¹.

В первом разделе мы коротко введем и вкратце поясним понятия метаязыка и метапрагматики. Второй раздел касается релевантности феноменов металингвистики и метапрагматики как отражений метапрагматической осведомленности, представление о которой будет рассмотрено в связи с общей теорией прагматики. В третьем разделе разрабатываются некоторые аспекты функционирования метапрагматической осведомленности в реальном языковом употреблении. И, наконец, будут рассмотрены некоторые социальные импликации такого функционирования, в частности, в связи с языковыми идеологиями и конструированием идентичности.

1. Метаязык и метапрагматика

Начнем с выявления интертекстуальных связей и, таким образом, с рассмотрения сознательного использования метаязыка. Во время встречи, одним из результатов которой стала эта статья², неоднократно поднимался вопрос о том, насколько полезно понятие МЕТАЯЗЫКА, причем чаще всего предполагалось, что польза эта весьма ограничена. Однако, в зависимости от избираемой перспективы, значимость этого понятия может изменяться в диапазоне от полезного и интересного до абсолютно необходимого. Прежде всего, «метаязык» можно рассматривать как распознаваемый **объект**, отделимый от других манифестаций «языка». В том тексте, который вы только что начали читать, этот термин будет описывать использование таких лексических средств, как «интертекстуальный», фраз типа «в том тексте, который вы только что начали читать» и «начнем, ... таким образом, с рассмотрения сознательного использования метаязыка», или выражений вроде «неоднократно поднимался вопрос о том, насколько полезно понятие МЕТАЯЗЫКА» или «что Томазелло (1999) называет ...». Этот же термин будет относиться к разговорным вмешательствам типа: «Что вы хотите этим сказать?» или «Это не то, что я имел в виду». Такие случаи распространены в большинстве типов дискурса. Таким образом, это понятие, в силу его очевидной соотнесенности с целым рядом

¹ По Томазелло, эта способность идентифицировать себя с другими – есть тот ресурс культурного научения, то когнитивное переключение, которое отделяет *homo sapiens* от приматов и объясняет развитие производства и социальных институтов в историческом (в отличие от эволюционного) времени.

² Соображения, приведшие к написанию этой статьи, первоначально были представлены совершенно в другом виде в лекции «Метапрагматическая осведомленность и языковые идеологии в социально значимых лингвистических исследованиях», состоявшейся в рамках «Третьего круглого стола в Кардиффе», в Ньютауне (Уэльс) 1-3- июня 1998 года. Основные идеи возникли именно тогда и получили дальнейшее развитие в лекциях в Мадриде (28 марта 2000 года), в Коруне (29 марта 2000 года), в Пуатьере (6 сентября 2000 года, Школа на тему «Прагматика: Язык, Коммуникация и Познание») и в Мар дель Плята (21 сентября 2000 года, VIII Конгресс Аргентинской Ассоциации Лингвистики).

эмпирических фактов, необходимо признать полезным и интересным. Тем не менее, в такой перспективе полезность эта имеет ограничения. Можно утверждать, например, что то, с чем мы сталкиваемся в подобных примерах, это просто язык о языке, иначе говоря, такие языковые манифестации, которые имеют язык в своем референтном поле. Таким образом, нам по-прежнему придется показать имеющуюся здесь специфику, если она вообще есть. Необходимо продемонстрировать, что рефлексивность, вовлеченная в подобного рода высказывания, не является ни случайной, ни тривиальной.

Второй подход к метаязыку – это взгляд на него как на **измерение** языка, которое может быть обнаружено во **всех** случаях использования языка, а не просто как на коллекцию примеров металингвистического языкового использования. Рассмотрение этого измерения относилось бы не только ко всем металингвистическим феноменам, описываемым понятием «метаязык», но позволило бы выйти за пределы подобных явлений в область фундаментальных свойств дискурса любого типа, таким образом существенно расширяя значимость этого понятия. Такой подход имеет достаточно долгую историю в лингвистике, на пересечении прагматической семиотики (в особенности теории индексализации, принадлежавшей Пирсу) и Пражской школы структурализма в лице Романа Якобсона, который создал, возможно, единственную серьезную и влиятельную концепцию «метаязыка» в лингвистическом аспекте. В своей работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (1971) он указал на две основные составляющие лингвистической коммуникации, сообщение (С) и код (К), которые могут как «использоваться» (употребляться), так и «подразумеваться». «Референция» является металингвистической активностью до тех пор, пока она имеет предмет своего рассмотрения лингвистические составляющие. Такое действие в пределах парадигмы «сообщение-код», дает четыре типа металингвистического использования. Так например, сообщения, отсылающие к сообщениям (С/С), можно найти в различных формах цитирования и косвенной речи (в вопросах исследования «речи о речи» Якобсон ссылается на такого авторитетного автора, как Волошинов 1930); примером кода отсылающего к коду (К/ К) является имя собственное, которое не может быть определено иначе, как через круговой возврат к самому коду (иными словами, имя означает кого-то или что-то, к чему или к кому это имя приписано); сообщение, отсылающее к коду встречается тогда, когда слово «произносится» (называется, упоминается), а не «используется», в таких случаях употребления, как «*щенок*» означает «*молодая собака*» или «*щенок*» состоит из двух слогов (тема, широко обсуждавшаяся в философии, начиная с Карнапа, 1937); и, наконец, случай, когда код и сообщение перекрываются, или, где элементы кода производят «обязательную отсылку к данному сообщению» (К/С), - такой случай представлен категорией «переключателей» (термин, заимствованный у Ясперсена, 1921), то есть индексальных символов, таких как личные местоимения, показатели вида, грамматического времени и наклонения, а также эвиденциальные аспекты высказывания, которые неизбежно производят «переключения» по отношению к контексту употребления и, следовательно, к содержанию сообщения. В более обобщенных терминах Якобсон (1960, 1985) представил «металингвальную функцию» как одну из шести базовых функций

языка³. Очевидно, что только якобсоновские категории металингвистического функционирования (С/С) и (С/К) подпадают под описание объективного «метаязыка», в то время как (К/К) и (К/С) могут быть представлены только в терминах металингвистического измерения. Высказанные соображения дают основания для приблизительной классификации металингвистических феноменов на две категории, как показано в Таблице 1. Первая включена в такой подход к метаязыку, который предполагает взгляд на него только как на *измерение* (назовем это «имплицитный метаязык»), вторая категория предполагает включенность как в перспективу *измерения*, так и в *объективную* перспективу («эксплицитный метаязык»).

Таблица 1. Металингвистические феномены

Метаязык как измерение использования языка	
Метаязык как объект	[якобсоновские К/К и К/С] имплицитный метаязык
[якобсоновские С/С и С/К] эксплицитный метаязык	

В силу своей необходимой связи с феноменами языкового использования (собственно область лингвистической прагматики), *изучение металингвистического измерения языка* может быть названо МЕТАПРАГМАТИКОЙ. На самом деле, этот термин уже был использован в таком значении, например Майклом Силверштейном (Silverstein 1976, 1979, 1993). С точки зрения Силверштейна, на которую сильное влияние оказал Якобсон, но принявшей междисциплинарный (преимущественно антропологически-лингвистический) поворот, прагматика охватывает «тотальность индексальных отношений между возникающими формами сигналов и контекстами их возникновения, независимо от того, являются ли контексты, в свою очередь, другими возникающими формами сигналов [...] или нет [...]» (1993:36). Каким бы ни было прагматическое функционирование, всегда есть возможность метапрагматического функционирования, описанного в терминах рефлексивности. Он идет и дальше, обозначая важность рефлексивности еще более отчетливо, отвергая все сомнения в том, что феномен, с которым мы имеем дело, может быть произвольным или тривиальным:

«Без одновременного взаимодействия метапрагматической функции с любыми прагматическими функциями, которые возможны в дискурсивном взаимодействии, невозможна когерентность взаимодействия, потому что нет ни рамки, ни структуры – в данном случае когерентности взаимодействия текста – в которой индексальные источники или центры могут быть связаны друг

³ Краткий обзор литературы в аспекте междисциплинарных связей с этими идеями см. в работе Фершуерена (1995b).

с другом в некое событие, поддающееся сегментированию и полному пониманию». (1993:36-37)

Итак, «метапрагматическая функция служит тому, чтобы свести индексы в таком-то и таком-то событии, поддающемся интерпретации, в событие, которое создается в акте интерактивного использования языка и из которого этот акт состоит» (1993:37). Другими словами, всегда существует взаимодействие между прагматическим и метапрагматическим функционированием. Это соображение отчетливо показывает, что метапрагматика и метаязык (рассматриваемый как измерение языка, а не как объект) – нечто гораздо большее, чем просто интересное и полезное понятие, это абсолютно необходимое понятие, если только мы действительно хотим понять использование языка.

Для того, чтобы сделать огромное поле исследования, обозначенное таким подходом, более удобным для рассмотрения, Силверштейн указывает на три измерения в которых могут быть противопоставлены метапрагматические феномены. Во-первых, он выделяет метафункции в соответствии с объектами их мета-семиозиса. В этом измерении метапрагматика, имеющая отношение к рефлексивному отношению с прагматикой индексального измерения языка, противопоставлена метасемантике (и одновременно включает ее), которая имеет дело с рефлексивностью, связанной с семиотической областью значения, иными словами, с «поддающейся абстрагированию устойчивой способности грамматически структурированных выражений к денотации» (1993:41). Второе измерение формируется степенями и видами денотационной эксплицитности. Большинство естественных языков имеют (частично) эксплицитные метапрагматические формы выражения, например в виде метапрагматических лексических единиц (таких как перформативные глаголы). Существуют также метапрагматические по своей природе (следовательно, сравнительно эксплицитно) семантико-референциальные формы, такие как дейктические выражения. На имплицитном полюсе шкалы находим метапрагматическую индексальность, то есть индексальное сигнализирование об индексальном сигнализировании. Вот здесь как раз можно, например, расположить теорию «сигналов контекстуализации» Гамперца (Gumperz (1982), лингвистических средств (часто просодических), которые используются говорящим (обычно с крайне низкой степенью осознанности), чтобы обозначить, как следует интерпретировать высказывание (встречающиеся в нем формы). В-третьих, типы метапрагматического функционирования различаются в понятиях *обоюдной калибровки* события метапрагматической передачи сигнала и прагматической структуры события, которое этот сигнал передает. Проще говоря, есть разница, например, между случаями, когда связь этих двух событий представляет собой вариант «репортажа», и вариант «совпадения» (во времени). Только с учетом этого измерения может быть полностью осознана присущая взаимосвязям прагматики и метапрагматики коммуникативная двуслойность.

Важно удерживать в сознании такое позитивное разделение, хотя совсем необязательно строго придерживаться соответствующей терминологии. Прежде всего, автор, о котором мы говорим, испытывает трудности с разграничением метапрагматики и метасемантики. Несмотря на то, что можно провести теоретическое разграничение между теми аспектами значимости знаков, которые постоянны в разных специфических контекстах, и теми, которые связаны

с актуальным использованием, их довольно трудно идентифицировать на практике. Аспекты денотационной эксплицитности и обоюдной калибровки между прагматическим и метапрагматическим полем, с другой стороны, могут способствовать дальнейшему истолкованию. В то же время, они должны функционировать как каркас для дальнейшей интерпретации; например, когда мы используем противопоставление *эксплицитное – имплицитное*, мы должны отчетливо понимать, что это скорее шкала, чем дихотомия, хотя трудности с расположением феноменов на этой шкале делают ее больше похожей на дихотомию.

Как уже было отмечено, подход к метаязыку как к измерению, как в примере с формулировками Сильверштейна, предполагает необходимую и существенную связь между исследованиями метаязыка и метапрагматики и прагматики в целом. Следующий раздел будет попыткой обозначить эту связь. Но прежде чем это сделать, позвольте мне выделить два способа использования термина «метапрагматика», от которых мне хотелось бы дистанцироваться. Ни тот, ни другой не имеет отношения к «рефлексивности» языка как таковой. Первый случай – это понимание «метапрагматики» в смысле критического рассмотрения прагматики; это тот порядок вопросов, которым должна заниматься каждая уважающая себя наука. Согласно второму, «метапрагматика изучает условия, в которых предположительно применяются прагматические правила, то есть правила пользователей» (Meu 1993:277), то есть то, что обычно рассматривается в рамках собственно прагматики⁴. Существует причина, из-за которой происходит такое смешение, но мы сможем объяснить ее лишь несколько позже. Сначала же нам необходимо глубже проникнуть в фундаментальные взаимосвязи прагматики и метапрагматики. В следующем разделе мы введем понятие «метапрагматической осведомленности» в его связи с общей теорией прагматики, указав на ту центральную роль, которую оно играет в любых типах языкового использования, настаивая, таким образом, на подходе к метаязыку как к измерению, а не как к объекту, и показывая важность – точнее, необходимость – принимать во внимание металингвистические или метапрагматические функции во всех случаях рассмотрения языкового использования.

2. Прагматика и центральная роль метапрагматической осведомленности

Эта статья имеет в своем основании теорию лингвистической прагматики, которая определяет языковое использование как адаптивное и компромиссное совершение актов лингвистического выбора, как в порождении, так и в интерпретации, - выбора из вариативного и постоянного изменяющегося набора средств в интерактивном усилии порождения значения (см. Фершурен 1999).⁵ Все связанные с этим в высшей степени динамичные процессы проте-

⁴ Оба этих значения, как и определение, использованное в этой статье, встречаются в специальном выпуске *Journal of Pragmatics* (Caffi ed. 1984), посвященном «Метапрагматике». См. также Caffi (1998).

⁵ В рамках этой теории прагматика рассматривается как общая функциональная перспектива языка (или какого-либо его аспекта), то есть как такой подход к

кают в адаптирующей среде, которую, избегая жесткой дихотомии между обществом и познанием, можно назвать «сознанием в обществе» (Выготский 1978). Наиболее отчетливо наблюдается работа таких ментальных феноменов, которые характеризуют эту адаптирующую среду, как восприятие и репрезентация, планирование и память. В дополнение к тому, что они определяются работой таких механизмов, все процессы порождения значения получают специфический *статус* по отношению к адаптирующей среде. Иными словами, не все, что происходит в лингвистическом поведении, занимает такое же место в сознании. Для отражения этого факта могут быть использованы различные формулировки, такие как «способы обработки» или «степени отмеченности» (термин первоначально предложенный Эррингтоном, (Erington 1988)). Рассмотрим, например, первые предложения этого раздела:

«Эта статья имеет в своем основании теорию лингвистической прагматики, которая определяет языковое использование как адаптивное и договорное совершение актов лингвистического выбора, как в порождении, так и в интерпретации, - выбора из вариативного и постоянного изменяющегося набора средств в интерактивном усилии порождения значения (см. Фершурен 1999). Все связанные с этим в высшей степени динамичные процессы протекают в адаптирующей среде, которую, избегая жесткой дихотомии между обществом и познанием, можно назвать «сознанием в обществе» (Выготский 1978)».

Несмотря на то, что письмо представляет собой такую разновидность вербальной активности, которая в целом отмечена высокой степенью осознанности в совершении лингвистического выбора (по сравнению с более спонтанным устным взаимодействием), многое в приведенном пассаже обнаруживает вполне автоматический характер процессов такого выбора. Так, например, для любого говорящего, удовлетворительно владеющего английским языком, глагол «быть» (be) вполне естественным образом трансформируется в форму «есть» (is), что грамматически соответствует сочетанию «эта статья». Таким же образом, согласование прилагательных и существительных по числам, родам и падежам, следует вполне автоматическим правилам русского языка и вряд ли может быть рассмотрено как случай сознательного принятия решения. Даже такие сложные конструкции, как встраивание деепричастного оборота («избегая жесткой дихотомии между обществом и познанием») в придаточное предложение, нельзя в полном смысле считать продуктом осознанного личного выбора. С другой стороны, как вообще в академическом дискурсе, выбор слов и построение структуры аргументации предположительно являются высоко значимым действием, продуктом сознательного усилия. Активность интерпретатора в общих чертах аналогична.

Являясь существенным аспектом того, что происходит в момент использования языка (как в высказывании, так и в интерпретации), прагматический анализ должен определиться в отношении роли таких понятий, как осознанность, осведомленность, «отмеченность» (salience) – неважно, какой из этих терминов будет выбран – для того, чтобы быть в состоянии понимать лингвистическое поведение. Как графически показано на рисунке 1, «отмеченность»

языку, который принимает во внимание всю сложность его когнитивного, социального и культурного (т.е. значимого) функционирования в жизни людей.

имеет в поле своего рассмотрения все контекстуальные процессы, связанные с выбором структур, которые вносят свой вклад в значимое функционирование языка. Иначе говоря, пользователи языка в той или иной степени знают, что они делают, когда используют язык. Само-мониторинг всегда имеет место, каким бы ни был уровень «отмеченности».

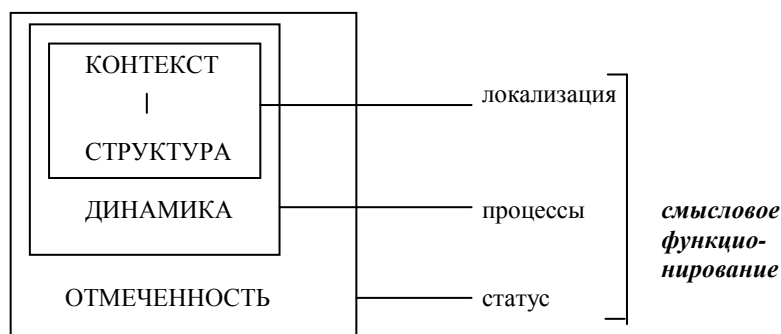


Рисунок 1. Структура прагматической теории

Именно этот общий аспект использования языка в отношении к адаптирующей среде я называю *рефлексивной* или *метапрагматической осведомленностью* (что соотносится с терминологией, используемой антропологами, как показано в работе под редакцией Люси 1993). Изучение такой осведомленности чрезвычайно важно для понимания вербального *поведения*, так как, как любая другая форма социальной активности, использование языка всегда интерпретируется, в том смысле, что участвующие акторы приписывают ему значение, так что интерпретации акторов становятся неотъемлемой частью того, что требует описания и объяснения. Мы вернемся к этому в Разделе 3.

На основании высказанных соображений можно понять путаницу, которую допускает Мэй (см. конец Раздела 1) при рассмотрении связи метапрагматики и прагматики: формулировка «условий, в которых применяются правила прагматики» предполагает наличие дистанции между условиями и правилами; в то время как условия с необходимостью относятся к правилам (на время отвлекаясь от вопроса о том, хотим ли мы говорить о правилах или о принципах); они формируют, если можно так выразиться, нормативный пакет; но, конечно, не существует нормативности без осведомленности, и используемые правила постоянно являются предметом переговоров и манипуляций. Именно на этом метауровне осведомленности, который бывает востребован каждый раз, когда используется язык, и располагается действительная область метапрагматики, неотделимая от, но все таки лежащая за пределами «правил-и-условий» (которые, в действительности, нельзя разделить на «правила» и «условия»)

Осведомленность не поддается измерению, и это понятие с легкостью может быть использовано для спекуляций. Таким образом, центральное место метапрагматической осведомленности может легко означать конец прагматики как эмпирической области исследования. К счастью, само-мониторинг, который мы рассматриваем, на разных уровнях осведомленности и отмеченности оставляет отчетливые лингвистические следы. Возвращаясь к нашему примеру (1), отметим следующие пункты:

- **авто-референтное** использование словосочетания «эта статья», которое не только отсылает ко всему действию, составной частью которого является выбранный отрывок, но и **категоризирует** это действие как особый жанр использования языка, задавая, таким образом, специфический диапазон для интерпретации

- эксплицитные **интертекстуальные связи**, вводимые такими словами как «см.» или «по», а также «имеет в своем основании», причем первые два – чисто информативны, в то время как последнее выражение дает читателю инструкцию как следует понимать то, что написано дальше.

- **метапрагматическое описание** вербальной активности, выполняемой в другом месте, например глагол лингвистического действия «определяет».

- введение **модальности** в конструкции «можно назвать» эксплицирует концепцию авторского выбора в воображаемом статусе состояния дел, к которому отсылает это выражение

- другие **метапрагматические маркеры**, такие как кавычки в «сознание в обществе», которые обращают внимание на сам лексический выбор, предупреждая от нерелевантного его восприятия

- наконец, сама протяженность дискурса (и все, что за ним следует в этом тексте) имеет отношение к атрибутам языкового использования, сформулированным на метауровне лингвистической теории и анализа, и, следовательно, является протяженным маркером метапрагматической осведомленности; примеры многочисленны и представлены формулированием категорий, предположениями, провозглашениями и т. п.

Итак, в то время как все случаи лингвистического выбора предполагают какую-то степень осознанности (что не всегда легко увидеть), некоторые примеры такого выбора отмечены явной рефлексией по поводу самих себя и по поводу других случаев выбора. Рефлексивная осведомленность занимает настолько центральную позицию, что все акты вербальной коммуникации можно считать авто-референтными до определенной степени, или, иначе говоря, использование языка (в понимании Силверштейна) невозможно без постоянной калибровки между метапрагматикой и прагматикой. Это феномен как раз и задает сферу интересов метапрагматики.

Арсенал индикаторов метапрагматической осведомленности не сводится к тем, которые проиллюстрированы нами выше в разборе фрагмента (1) текста настоящей статьи. Он включает в себя все яacobсоновские «шифтеры», «контекстуальные ключи» Гамперца (такие, как примеры переключения кода), вообще все, что когда либо обсуждалось под именем: «маркеры /атрибуты дискурса» (такие как *тем не менее, на самом деле, несомненно, я думаю, вы знаете*, и т.п.); «наречия высказывания» (такие как *откровенно говоря, как это ни прискорбно*); разделители (такие как *что-то вроде, в каком-то смысле*); при-

меры «называния» по контрасту с «употреблением» (опять-таки введенные Якобсоном), прибавив к этому прямое цитирование, косвенную речь, и более имплицитно включенные в высказывание «голоса»⁶. Независимо от подхода Силверштейна, хотя вполне с ним согласуясь, термин «метапрагматики» был использован для обозначения специфически лингвистического подхода к одной из категорий индикаторов метапрагматической осведомленности, а именно, «метапрагматических понятий» или – еще более точно – «глаголов лингвистического действия» (Verschueren 1985 a, 1989 b, Kieffer and Verschueren (eds. 1988)). Это более узкое понимание метапрагматики было вызвано эмпирически-концептуальным подходом к лингвистическому действию, иными словами, попыткой уловить различные способы, которые могут использоваться для концептуализации лингвистического поведения теми, кто в нем участвует, путем пристального изучения лингвистического отражения такого рода концептуализаций (например, глаголов и глагольных выражений, используемых в естественном языке для передачи такого концептуализированного поведения). Такой подход к *языку о языке* можно считать случаем «народной метапрагматики»⁷, со всей вытекающей отсюда необходимостью осторожного отношения⁸. Как отметил Сильверштейн (1981), осведомленность говорящего о феноменах прагматики (интересное кросс-лингвистическое исследование таких явлений произведено в работе под редакцией Люси (Lucy, 1993) не обязательно укладываться в описания лингвистической метапрагматики. Наивное смешение этих двух контекстов объясняет дальнейшее распространение народной метапрагматики, вообще говоря, свойственное западной лингвистике. Предполагая, что такого рода смешения можно избежать, мы будем, тем не менее, основывать некоторые из наших последующих выводов именно на таком подходе.

Используя дихотомию, представленную в таблице 1. (которая была заявлена, как шкала, а не дихотомия), полезно представить место всех «индикаторов» метапрагматической осведомленности, обзор которых был сделан выше в таблице, для большей внятности последующих выводов.

Для короткого комментария по поводу логики этой градации, полезно коротко вернуться к одному свойству рассмотренного нами примера (1).

Тот факт, что дейктические выражения, в частности личные местоимения, отсутствуют в рассматриваемом фрагменте, вовсе не означает отсутствия персонального дейксиса. Очевидно, что дейктическим центром в данном случае является автор и его текст. Степень имплицитности в данном случае выше, чем в случае присутствия личных местоимений. Это одна из функций жанра

⁶ Более детальный обзор индикаторов метапрагматической осведомленности см. в работе Фершюерена (1999, СС. 189-195).

⁷ По-видимому, можно считать аналогией с «народной этимологией» (прим. переводчика).

⁸ Недавний призыв к изучению явлений «народной лингвистики» (Preston 2000), связанный с более ранними предложениями такого рода (см., например, Hoenigswald 1966), полностью соответствует такому интересу, хотя и формулируются за пределами собственно теории прагматики.

академического письма, к которому принадлежит рассматриваемый отрывок. Но жанр является только одним из параметров, который соответствует степени

Таблица 2. Индикаторы метапрагматической осведомленности

эксплицитный метаязык	имплицитный метаязык
<ul style="list-style-type: none"> • метапрагматические описания (например, при помощи метапрагматических лексических средств, таких как глаголы, обозначающие речевые акты или перформативные глаголы) • авто-референтные выражения • маркеры/атрибуты дискурса или прагматические маркеры/атрибуты • наречия высказывания • разделители • эксплицитные интертекстуальные связи • цитированная и непрямая речь • «упоминания/называния» (в противопоставлении к «употреблению») • некоторые «переключатели» (например, некоторые эвиденциальные высказывания) • некоторые «ключи контекстуализации» (многие из перечисленного выше, на самом деле может быть включено в этот пункт) 	<ul style="list-style-type: none"> • большинство «переключателей»: <ul style="list-style-type: none"> - действительные выражения (местоимения, указатели грамматических времен и т. п.) - вид - наклонение и модальность (некоторые) - эвиденциальные высказывания - многие «ключи контекстуализации» (такие как просодические паттерны, переключения кода и т.п.) • имплицитные «голоса» • [имена собственные, К/К, по Якобсону, которые нельзя рассматривать на равных с другими металингвистическими феноменами]

эксплицитности. Возрастные исследования (Hickmann 1993) показывают, что существуют также возрастные влияния на степень эксплицитности/имплицитности в использовании метаязыка.

3. Функционирование метапрагматической осведомленности

Метапрагматическая осведомленность (о которой необходимо помнить, что она может быть представлена на любом уровне «отмеченности») функционирует двумя способами, связанными, но не совпадающими, с категориями эксплицитного и имплицитного метаязыка (см. Таблицу 2.)

3.1 Фиксация

Прежде всего, формы более имплицитного метаязыка, такого как дейктические выражения⁹, отражают осведомленность о тех способах, которыми высказывание или наборы структурных выборов располагаются или фиксируются во временном, пространственном, социальном или дискурсивном контексте. (Это метапрагматическое функционирование выявляет степень отмеченности на той линии, которая соединяет СТРУКТУРУ и КОНТЕКСТ на рис. 1.) Без такого фиксирования никакой когнитивный процесс интерпретации невозможен, или, как об этом пишет Силверштейн, «нет возможности когерентного взаимодействия» (1993: 36). Такого типа функции также выполняются некоторыми видами эксплицитного метаязыка, в частности, такими, которые устанавливают дискурсивный дейксис. В этой области особое место занимают моменты авто-референции и, в частности, полной авто-референции, манифестированные в перформативном использовании глаголов, обозначающих речевые акты (таких как *я обещаю* во фразе *я обещаю, что приду завтра*). В этом случае обязательна своего рода калибровка между прагматическим событием передачи сигнала и переданной сигналом прагматического события-структуры, что Силверштейн называет «совпадением» (ярлык, который полностью совпадает с термином, использованном в начале 20-го века немецкими славистами для именно такого типа конструкции: *Koinzidenzfall*). Связь с протеканием когнитивных процессов очевидна с точки зрения детального изучения ограничений, накладываемых на перформативность этого типа: перформативно могут использоваться только такие, обозначающие речевые акты, глаголы, значение которых может быть адекватно описано без отдельного упоминания свойств описываемого акта, участвующего в употреблении эксплицитного метапрагматического глагола (то есть, свойств метапрагматического события передачи сигнала), и значение которых может быть полностью передано через свойства описываемого акта (то есть свойства, передаваемые сигналом прагматического события-структуры); если это условие не выполняется, то возникает концептуальная дистанция, блокирующая полную авто-референтность (см. Фершуерен 1995с).

3.2 Рефлексивная концептуализация

Второй тип функционирования относится непосредственно к формам эксплицитного метаязыка, хотя его эффект часто оказывается не связанным с

⁹ В своей теории «прагматики как имплицитности» Эстман (Östman 1986) исключает дейксис из сферы прагматики (и включает его в семантику), так как он представляет собой форму скорее эксплицитного, а не имплицитного значения. Оставляя в стороне вопрос о границе между семантикой и прагматикой, такая позиция не противоречит отношению к дейктическим выражениям как к типам имплицитного метаязыка: говоря о том, что их металингвистическое функционирование является более имплицитным (даже несмотря на то, что оно оставляет «след»), не равносильно утверждению о том, что их значение, в общем является имплицитным.

отмеченностью или требует усилий для осознания. Как уже было сказано, лингвистическое поведение – как форма социального поведения – не может быть понято без обращения к понятиям, которые передают процесс концептуализации такого поведения теми, кто в нем участвуют, будь то говорящий или интерпретирующий, те есть без понимания рефлексивной концептуализации, которая сопровождает выборы при продуцировании и интерпретации высказывания. (Если снова обратиться к Рис. 1, то метапрагматическое функционирование, которое мы обсуждаем, относится к отмеченности самих процессов, которые формируют ДИНАМИКУ порождения значения в использовании языка). Проиллюстрируем это, обратившись к документу (2), распространенному Информационной службой ООН 11 февраля 1999 года (цифры в квадратных скобках будут использованы для простоты цитирования, жирный шрифт, курсив и подчеркивание – наши):

(2) [1] **ТЕКСТ: ОЛБРАЙТ БЛАГОДАРИТ ЛИДЕРА ЧЕРНОГОРИИ ЗА ПОДДЕРЖКУ В ВОПРОСЕ О КОСОВО.**

[2] (Госсекретарь звонит Президенту Джукановичу 9 февраля).

[3] Вашингтон – Государственный Секретарь Мадлен Олбрайт *выразила признательность Соединенных Штатов* президенту Черногории за *поддержку* международных усилий по разрешению кризиса в Косово.

[4] В *телефонном разговоре* с Президентом Микло Джукановичем 9 февраля, Олбрайт *заверила* его, что «вопросы, связанные с Черногорией будут приняты во внимание во время переговоров по урегулированию в Косово, которые пройдут в Рамбуйе (Франция)», - сообщает спикер государственного Департамента Джеймс Рубин.

[5] **Далее следует текст заявления:**

[6] **(Начало текста)**

[7] Государственный департамент США

[8] Офис Спикера

[9] **Заявление для прессы** сделанное Джеймсом П. Рубином, спикером.

[10] 9 февраля 1999

[11] *Телефонный звонок* Секретаря президенту Черногории Джукановичу.

[12] 9 февраля Секретарь Олбрайт *позвонила* президенту Черногории Джукановичу, чтобы *поблагодарить* его за ту *постоянную поддержку*, которую оказывает его правительство *международным усилиям по разрешению* кризиса в Косово. [13] Секретарь *отметила* конструктивную роль, которую

играла Черногория на протяжении всего развития кризиса и *выразила одобрение* курсу Черногории по проведению демократических и экономических реформ в Федеративной Республике Югославия (ФРЮ).

[14] Секретарь *воспользовалась возможностью заверить* президента Джукановича в том, что интересы Черногории будут приняты во внимание *на переговорах о урегулировании* в Косово, которые состоятся в Рамбуйе (Франция). [15] В своем *письме* к секретарю от 5 февраля, президент Джуканович подчеркнул, что его правительство поддержит любое политическое урегулирование, достигнутое двумя партиями, которое не нанесет ущерба конституционным правам Черногории в составе ФРЮ.

[16] В завершение, Секретарь заверила президента Джукановича, что *внимание мирового сообщества*, сосредоточенное на ситуации в Косово, *не означает*, что президент ФРЮ Милошевич имеет полную свободу создавать напряженность в других регионах ФРЮ.

[17] **(Конец текста)**

[14] № № №

Обратившись к отрезкам эксплицитного метаязыка, мы находим иллюстрации тому, что было сказано выше, на двух уровнях: на уровне сообщения о вербальном поведении и на уровне авто-референций. Во-первых, все *выделенные курсивом* участки текста, за исключением глагола «звонить» в разных формах ([2] [4] [11] [12]) и слова «письмо ([15]) - которые сообщают о канале коммуникации, - показывают, что сообщение о вербальном поведении неизбежно носит толковательный характер. В пределах данной статьи невозможно даже приблизительно дать описание всех социальных и институциональных импликаций, которые несут в себе такие слова, как «выразила признательность» ([3]), «заверила» [5] или даже «заявление» ([5]). Все эти «описательные» примеры метапрагматического выбора отражают оценку коммуникативного статуса и значения описываемых событий речевых актов. Качество такого описания, в свою очередь, зависит главным образом от степени, в которой отражаемые оценки соответствуют фреймам значений, формирующим описываемые события. В контекстах коммуникативных разночтений, тем не менее, спектр противоположных интерпретаций будет чрезвычайно широким. И, как и во всех случаях лингвистического выбора, даже без выведения на поверхность оппозиций, любой выбор имплицитно влечет за собой весь набор противоположностей.

Во-вторых, на уровне авто-референций, выделенные **жирным шрифтом** участки текста, отчетливо демонстрируют ту степень важности, обычно придаваемой статусу интерпретации, который присваивается любому речевому событию, а также – усилия, которые часто прилагаются для того, чтобы защитить такой статус от вносящих искажения возможных изменений фрейма. Таковы функции слова «ТЕКСТ» ([1]), «Далее следует текст...» ([5]), «Начало текста» ([6]), «Конец текста» ([17]), которые необходимы для того, чтобы оп-

ределить статус коммуникации настолько точно, насколько это возможно, чтобы избежать непреднамеренного вторжения других фреймов значения. То же самое можно сказать о сочетании «Заявление для прессы» ([9]), несмотря на то, что речевое событие, описываемое этим понятием, технически является одним из слоев, выделенным из структуры более высокого порядка (2). Я говорю «технически», потому что источник обоих слоев в данном случае один и тот же. Защита коммуникативного статуса дополнена далее с помощью эксплицитного указания на источники (примеры с подчеркиванием [3], [4], [7], [8] и [9]).

Более того, наблюдается циклическое присутствие этих двух уровней (обозначено *жирным курсивом*). Например, выделенное в [16] «не означает» является попыткой предотвратить возможные интерпретации коммуникативного комплекса, вводимые выражением «внимание мирового сообщества». В этом случае сама использованная форма авто-референтности предполагает, что США являются одним из главных субъектов влияния на это самое «мировое сообщество», несмотря на дистанцирование в формальном описании. (Интересный анализ того, каким образом все описанные выше средства формируют коммуникативный статус высказывания такого специального жанра, как пресс-релизы, можно найти в работе Якобса (Jacobs 1999).

4. Социальные импликации функционирования метапрагматической осведомленности

4.1 Метапрагматическая осведомленность и языковые идеологии

Использование языка, как и другие формы социального поведения, интерпретируется акторами-участниками. В области социальной жизни в целом более или менее связанные паттерны значения, которые выглядят настолько общепринятыми и понятными, что более не подвергаются обсуждению, приводя таким образом к интерпретациям действий и событий, принимаемым «как должное», - такие паттерны обычно называются идеологиями¹⁰. Подобным же образом, когда элементы метапрагматической осведомленности образуют постоянные фреймы интерпретации, связанные с природой и социальным функционированием языка, которые более не подвергаются сомнению и обсуждению, становится возможным говорить о языковых идеологиях¹¹. Последние становятся важным предметом исследований в самых разных направлениях.

Прежде всего, очевидно, что в любом использовании языка существует неразрывное единство (локальных) лингвистических практик и (системных) металингвистических концептуализаций. Из примера (2) можно сделать вывод о том, что большая часть договорного установления значения, которая формирует динамику лингвистической интерактивности, - это борьба за коммуника-

¹⁰ О прагматических исследованиях идеологий, см. Фершуерен (1995a) и (1996); более широкий контекст дан в работе Blommaert and Verschueren (1998).

¹¹ Обзор исследований идеологий языка см. в Woolard and Schieffelin (1994); последние исследования в этой области: Schieffelin et al. (eds.) (1998) и Blommaert (ed.) (1999).

тивный статус высказываний, учитывающая нормы (принимаемые или вводимые силой, даже если они и не соблюдаются всеми), на фоне которых может быть оценено текущее (прошлое или будущее) поведение. Хотя это чаще всего относится к институциональным контекстам (примером может быть рейтинг приемлемости различных типов вопросов и ответов, звучащих в суде во время процесса), однако входит как составная часть также и в повседневное общение (на любом уровне совершающегося выбора, даже в случаях выбора языка в многоязычном контексте – см., например, работу Meeuwis 1997) следовательно, понимание этих процессов необходимо для любого адекватного прагматического анализа.

Во-вторых, при определенных обстоятельствах, от «борьбы» можно отказаться в пользу более простого пути к выводам. В наиболее типичном случае интерпретации, формируемые привычными концепциями, не становятся предметом дальнейших переговоров. Это может быть чисто персональным или окказионально-специфическим явлением. Но то же самое может быть и результатом коммуникативной несовместимости стилевых аспектов (понятие, не имеющее никакого смысла вне метапрагматического контекста) как это показано в литературе о межкультурной коммуникации (см., например, Gumperz 1982) или о дискурсе международного репортажа (Фершуерен 1985 b, 1989 a). То, что происходит в таких случаях, можно описать как интерференцию естественного опыта нормативности, которая вытекает из привычек интерпретации и концептуализации, коренящихся в языковых идеологиях или связанных с ними, интерференцию с дальнейшими переговорными процессами по поводу значения (причем эта интерференция может быть значительно усилена отсутствием какого-либо прямого взаимодействия). Таким образом, внимательный взгляд на компоненты языковых идеологий может помочь нам в понимании того, что происходит в таких специфических контекстах.

В качестве иллюстрации того, что такие вещи могут быть далеко не безобидными, приведем пример (3), который является отрывком из официального отчета об интервью, проведенных с человеком, просящим убежища, в рамках процедуры установления законности статуса беженца в Бельгии. (Пример взят из работы Vlootmaert 1999).

(3) Следует отметить, что лицо, чье дело находится в рассмотрении *продолжает давать довольно туманные сведения по некоторым позициям*. Так например, он *не в состоянии дать пояснения о деталях* конкретного содержания его работы к качеству «политического осведомителя». Более того, рассказ о его побеге *выглядит маловероятным*. А именно, *трудно поверить в то*, что заявитель мог украсть военную форму и оружие, не будучи замеченным, и что он мог затем перелезть через стену тюрьмы.

Сомнительно также, что он и его жена могли пройти паспортный контроль в Завентеме, имея при себе паспорт, в котором не было их имен и фотографий.

К тому же, сведения, которые дает заявитель, *невозможно проверить* из-за отсутствия документов.

Его утверждения *содержат противоречия*, которые очевидны при сравнении с показаниями его жены. Так, он заявляет, что паспорта, которые они получили от священника, были в полном порядке к моменту, когда они поки-

нули Анголу. Его жена показывает, что им нужно было еще получить визу в Заире.

Все фрагменты, выделенные курсивом, очевидно содержат компонент оценочности. Такие оценки сфокусированы на (i) правдоподобии с точки зрения здравого смысла и, следовательно, на вопросе о возможности доверять заявителю; (ii) на необходимости документальных доказательств; и на (iii) самой природе коммуникативной практики, которая образует суммарный нарратив. Процедуры интерпретации характеризуются тем, что автоматически апеллируют к специфическому типу «нормативности», валидность которой не ставится под сомнение. В части (i) неспособность рассказать убедительную историю рассматривается как признак лжи – суждение это распространяется и дальше, на сами основания обращения в поисках убежища. Что касается (ii), то здесь нормы административного дискурса применяются к попытке рассказать реальную историю из жизни. В (iii) объявляется о наличии «противоречий» между разными нарративами, как будто такое заявление и не требует тщательного сравнения полного контекста дискурса.

В-третьих, функционирование языковых идеологий не распространяется только на формы повседневного языкового взаимодействия, институционального дискурса, образования, политической риторики, массовой коммуникации и тому подобное, но затрагивает также лингвистические теории и сами попытки анализа. Силверштейн (1979) должен быть, пожалуй, назван первым среди тех, кто убедительно это показал. Другие, преимущественно лингвисты-антропологи, продолжили эту традицию в критике прагматических парадигм в духе Грайса и Серля, подвергая сомнению то, что лингвисты принимали как само собой разумеющееся – на основе апелляции к наблюдаемой, контекстно обусловленной лингвистической практике. То, что история лингвистики сама по себе (или прагматики, в частности) не свободна от «идеологических» колебаний, показать довольно легко. Достаточно вспомнить понятие лингвистической относительности, введенное в качестве принципа Уорфом, и возведенное в догму его последователями, из-за чего этот термин стал неприличным для лингвистов 60-х-70-х, и был возрожден в последние 10-15 лет (примеры см. в работе под редакцией Гамперца и Левинсона (Gumperz and Levinson, 1996). Из этих соображений мы должны сделать вывод о том, что постоянный мониторинг лингвистической риторики в перспективе идеологических обоснований теории и анализа является не просто роскошью, но необходимым условием успешного развития лингвистической прагматики. (В качестве прекрасного примера такого критического подхода к лингвистической литературе можно порекомендовать исследование Eelen (1999) дискурса вежливости).

4.2. Метапрагматическая осведомленность и конструирование идентичности

Пример (2) показывает (в выделенных фрагментах), каким образом могут быть предприняты эксплицитные попытки определить идентичность говорящего или источника сообщения. Функционирование аспектов «идентичности» трудно определить без обращения к метапрагматической осведомленности. Чаще всего она не принимает эксплицитных форм, показанных в (2), но осно-

ываается на сигналах, участвующих в совершении специфических и категориальных лингвистических выборов. Типичными примерами являются формы переключения кода (Gumperz 1982, Auer 1998), которые становятся символическими для специфических социальных групп или образований, членство в которых обычно является обязательным для говорящего, прежде чем он может использовать определенный код. Таким же образом, переключение говорящего на код, более знакомый для интерпретирующего, представляет собой процесс категоризации Другого (см. Hinnekamp 1991). В дискурсном анализе диалогов вся имеющаяся литература, описывающая образование фреймов участия или приемов категоризации групповой принадлежности (Antaki and Widdicombe (eds. 1998), в основе своей рассматривает метапрагматику конструирования идентичности. Тот факт, что эта идентичность не дана заранее, но динамически конструируется в дискурсе – что лишний раз подчеркивает фундаментальное значение метапрагматической осведомленности – должен стать очевидным из анализа небольшого примера (4). Этот отрывок (заимствованный из работы D'hondt 2000) представляет собой фрагмент разговора на улицах Дар-Эс-Салама (опущены оригинальные фрагменты на языке кисвахили и условные транскрипционные обозначения).

(4) [Н. и Г. говорят о футбольном матче, который они собираются посмотреть]

Н.: - Если будет на то Его воля.

Г.: - Inshallah, inshallah, inshallah.

Н.: - Эй? А в мечети не увижу я тебя?

Г.: - Туда-то я как раз и иду.

Как отмечает автор (D'hondt), отнесенность событий к будущему (просмотр футбольного матча) – которую людям (как не имеющим власти над будущим) нельзя воспринимать как само собой разумеющееся – подытожена в формуле «Если будет на то Его воля»; причем эта формула подтверждается и усиливается Г., несколько раз произносящим «Inshallah» (что значит: «Если Богу будет угодно»). Хотя есть категориальная взаимосвязь между высказываниями Г. и его мусульманским вероисповеданием, ценность каждого лингвистического выбора в качестве маркера идентичности различна. Сигналы, сообщающие об идентичности, могли остаться совершенно имплицитными, а их контекстуальная значимость нулевой. Но затем Н. обнаруживает свою метапрагматическую осведомленность о ценности сигналов идентичности или о потенциальных выборах Г., обнаруживая все это эксплицитно, на уровне тематики: «А в мечети не увижу я тебя?». Причем этот переход на тематический уровень эксплицирования поддержан Г. в его последовавшем ответе.

5. Заключение

То обстоятельство, что эта статья называется просто «Заметки о...» имеет объяснение. Дать полную картину вопроса не входило в нашу задачу. В качестве заключения хотелось бы просто еще раз привлечь внимание читателя к тому факту, что метапрагматическая осведомленность и, следовательно, все ее

лингвистические манифестации, вносит существенный вклад в процессы порождения значения и договорные процессы, которые являются, с точки зрения теории прагматики, сутью языкового использования. И это не только очевидные случаи осознанного самонаблюдения и формирования аудитории, но также и менее «отмеченные» (salient) уровни, где, тем не менее, метапрагматическая осведомленность продолжает влиять на аспекты значения в каждом случае лингвистического выбора. Таким образом, выделение металингвистического измерения языка в отдельную область научного исследования следует считать эвристически ценной стратегией, что заставляет помнить о фундаментальной роли этого измерения в прагматическом функционировании на всех уровнях.

Литература

- Antaki, Charles & Sue Widdicombe (eds.) (1998) *Identities in Talk*. London: Sage.
- Auer, Peter (1998) *Code-switching in Conversation*. London: Routledge.
- Blommaert, Jan (1999) "Investigating narrative inequality: 'Home narratives' of African asylum seekers in Belgium." *Working Papers on Language, Power & Identity* 1 (<http://bank.rug.ac.be/lpi/>).
- Blommaert, Jan (ed.) (1999) *Language Ideological Debates*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Blommaert, Jan & Jef Verschueren (1998) *Debating Diversity: Analysing the Discourse of Tolerance*. London: Routledge.
- Caffi, Claudia (1998) "Metapragmatics." In Jacob L. Mey (ed.), *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Amsterdam: Elsevier, pp. 581-586.
- Caffi, Claudia (ed.) (1984) *Metapragmatics*. Special issue of *Journal of Pragmatics* 8:4.433-592.
- Carnap, Rudolph (1937) *Logical Syntax of Language*. New York.
- D'hondt, Sigurd (1999) *Conversaation Analysis and History: Practical and Discursive Understanding in Quarrels among Dar es Salaam Adolescents..* Univ. of Antwerp Ph.D. dissertation.
- Eelen, Gino (1999) *Ideology in Politeness: A Critical Analysis*. Univ. of Antwerp Ph.D. dissertation.
- Errington, Joseph J. (1988) *Structure and Style in Javanese*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Gumperz, John J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gumperz, John J. & Stephen C. Levinson (eds.) (1996) *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hickmann, Maya (1993) "The boundaries of reported speech in narrative discourse: Some developmental aspects." In J. Lucy (ed.) (1993), pp. 63-90.
- Hinnenkamp, Volker (1991) "Talking a person into interethnic distinction." In J. Blommaert & J. Verschueren (eds.), *The Pragmatics of intercultural and International Communication*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, pp. 91-110.

- Hoenigswald, H. (1966) "A proposal for the study of folk-linguistics." In W. Bright (ed.), *Sociolinguistics*. The Hague: Mouton, pp. 16-26.
- Jacobs, Geert (1999) *Preformulating the News: An Analysis of the Metapragmatics of Press Releases*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Jakobson, Roman (1960) "Linguistics and poetics". In Thomas A. Sebeok (ed.), *Style in language*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, pp. 350-377.
- (1971) [1957] "Shifters, verbal categories, and the Russian verb". In *Selected writings II*. The Hague: Mouton, pp. 130-147.
- (1985) [1956] "Metalanguage as a linguistic problem". In *Selected writings VII*. Berlin: Mouton De Gruyter, pp. 113-121.
- Jespersen, Otto (1921) *Language*. New York.
- Kiefer, Ferenc & Jef Verschueren (eds.) (1988) *Metapragmatic Terms*. Special issue of *Acta Linguistica Hungaricae* 38.1-289.
- Lucy, John A. (ed.) (1993) *Reflexive Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meeuwis, Michael (1997) *Constructing Sociolinguistic Consensus: A Linguistic Ethnography of the Zairian Community in Antwerp, Belgium*. Univ. of Antwerp Ph.D. dissertation.
- Mey, Jacob (1993) *Pragmatics*. Oxford: Basil Blackwell.
- Östman, Jan-Ola (1986) *Pragmatics as Implicitness*. UMI no. 8624885.
- Preston, Dennis (2000) "A renewed proposal for the study of folk linguistics." In Joy Kreeft Peyton et al. (eds.), *Language in Action*. Cresskill, NJ: Hampton Press, pp. 113-138.
- Schieffelin, Bambi, Kathryn Woolard & Paul Kroskrity (eds.) (1998), *Language Ideologies*. Oxford: Oxford University Press.
- Silverstein, Michael (1976) "Shifters, linguistic categories, and cultural description". In K. Basso & H. Selby (eds.) *Meaning in anthropology*. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, pp. 11-55.
- (1979) "Language structure and linguistic ideology." In P.R. Clyne, W.F. Hanks & C.L. Hofbauer (eds), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, pp. 193-247.
- (1981) "The limits of awareness." *Sociolinguistic Working Paper* 84.
- (1993) "Metapragmatic discourse and metapragmatic function". In John A. Lucy (ed.), pp. 33-58
- Tomasello, Michael (1999) *The Cultural Origins of Human Cognition*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Verschueren, Jef (1985a) *What people say they do with words: Prolegomena to an empirical-conceptual approach to linguistic action*. Norwood, NJ: Ablex.
- (1985b) *International News Reporting: Metapragmatic Metaphors and the U-2*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- (1989a) "English as object and medium of (mis)understanding." In Ofelia García & Ricardo Otheguy (eds), *English Across Cultures – Cultures Across English: A Reader in Cross-Cultural Communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 31-53.
- (1989b) "Language on language: Toward metapragmatic universals". *Papers in Pragmatics* 3:2.1-144.

-
- (1995a) “The pragmatic return to meaning: Notes on the dynamics of communication, degrees of salience, and communicative transparency.” *Journal of Linguistic Anthropology* 5.127-156.
- (1995b) “Metapragmatics”. In J. Verschueren, J.-O. Östman & J. Blommaert (eds.), *Handbook of Pragmatics: Manual*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 367-371.
- (1995c) “The conceptual basis of performativity”. In M. Shibatani & S. Thompson (eds.), *Essays in Semantics and Pragmatics*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, pp. 299-321.
- (1996) “Contrastive ideology research: Aspects of a pragmatic methodology.” *Language Sciences* 18(3/4).589-603.
- (1999) *Understanding Pragmatics*. London: Edward Arnold.
- Verschueren, Jef (ed.) (1987) *Linguistic action: Some empirical-conceptual studies*. Norwood, NJ: Ablex.
- Vološinov, V.N. (1930) *Marksizm i filosofija jazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Leningrad.
- Vygotsky, L.S. (1978) *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Woolard, Kathryn A. & Bambi B. Schieffelin (1994) “Language ideology.” *Annual Review of Anthropology* 23.55-82.